

до послѣдняго заряда и солдатскаго сухаря; эти слова вдохнули нѣкое чувство мужества и рѣшимости, но въ то же время почему-то подтвердили всеобщее убѣжденіе, что осада неминуема.

Въ настоящее время Владивостокъ находится въ напряженномъ ожиданіи... При размышленіи о грядущихъ событіяхъ невольно смущается сердце. Въ виду систематическихъ тяжкихъ неудачъ, постигающихъ наше оружіе, съ грустью думается: что-то Провидѣніе намъ готовить? Быть можетъ, на берегу Амурскаго залива у самыхъ окрѣпленныхъ волнъ взвѣется на Тигровой горѣ флагъ Восходящаго солнца; но, быть можетъ, флагъ Андрея Первозваннаго отстоятъ твердою исповѣдающихъ Распятаго? Въ томъ и другомъ случаѣ еще весьма тяжкія ожидаютъ насъ испытанія.

Но тяжело вѣрить и не хочется вѣрить, чтобы оружіе врага восторжествовало надъ нами, чтобы послѣднее наше достояніе и оплотъ—быль испровергнуть. Не до конца же Господь прогнѣвается на насъ! Вѣрится, что отечество перенесетъ весь позоръ и поношеніе этихъ дней и обновленное востанетъ въ силѣ и великолѣпнѣ для счастья и спасенія подвластныхъ ему народовъ! Не оживетъ, аще не умретъ.

Свящ. Вл. Давыдовъ.

Духовенство на войнѣ.

Въ «дневникѣ корреспондента». печатаемомъ въ «Русскомъ Словѣ»¹⁾, В. И. Немировичъ-Данченко сообщаетъ много интереснаго о самоотверженной дѣятельности духовенства въ настоящей войнѣ.

Самоотверженно трудятся послушники, прибывшіе съ Аюна — сани-

тарами. Здоровые, сильные, молодецъ къ молодцу. На работу они накинулись, словно «жаждущій елецъ на источники водные». Кажется, не было для нихъ усталы и измору. Въ сплошномъ огнѣ поднимали раненыхъ, смѣшно отмахиваясь отъ пуль заскорузлыми руками, точно отъ шмелей: отстань - де, поганая, надоѣла, — видишь, тутъ работа не ждетъ, не нуди... Трезвенники и дѣвственники, они на свое дѣло смотрѣли, какъ на святое послушаніе. Но война и боевая тревога мало-по-малу въ будущихъ инокахъ будили молодую кровь, жажду опасностей, желаніе помѣриться съ противникомъ въ настоящей схваткѣ, и когда командующій арміей встрѣтилъ ихъ, благодарилъ за службу, — они вдругъ единогласно начали проситься въ войска «Чѣмъ мы хуже!» Ихъ работа, хоть и подъ огнемъ, казалась имъ не настоящей. «Какое это дѣло, — раненыхъ подбирать? Китайца нанять можно, — и тотъ оборукуетъ... А намъ бы съ ружьемъ»... Санитаромъ же сюда прѣхалъ инокъ, кроткій и тихій... Этотъ скоро замѣтилъ, что слишкомъ старъ и слабъ и послужить «великой мукѣ» не можетъ. Тогда онъ нашелъ единственное примиреніе для своей совѣсти. За свой счетъ нанялъ молодого, сильнаго санитаря, и все, что зарабатывалъ перепиской, ремесломъ, — отдавалъ тому. На это же пошли у него и всѣ его маленькія сбереженія... Въ Иверской общинѣ былъ монахъ-молчальникъ. Работалъ онъ изумительно, но при этомъ никому ни слова. И только, когда приводили буйнаго помѣшаннаго или тяжело раненаго, умирающаго, «уста у инока отверзались». Онъ, не боясь сумасшедшаго, отсылалъ прочь сторожей и санитаровъ, садился къ нему на кровать или рядомъ и говорилъ съ нимъ такъ, что не было случая, въ ко-

¹⁾ № 92 и 93 за 1905 г.

торомъ больной не отходилъ бы и не успокаивался подѣ впечатлѣніемъ этой ласки, этого душевнаго тепла. Съ умирающими онъ оставался дни и ночи, пока смерть-освободительница не смыкала мученикамъ воспаленныхъ глазъ. Благословивъ трупъ, монахъ опять смолкалъ, и строгій, задумчивый, безъ словъ дѣлалъ свою невидную, утомительную работу. Окружавшіе удивлялись, что дѣлалось съ «бѣсноватыми». Движенія ихъ становились менѣе рѣзкими, лица—болѣе осмысленными. Вопившіе благимъ матомъ, они начинали прислушиваться къ тихой, ласковой рѣчи. А часа черезъ два входившій заставлялъ ихъ разумно бесѣдовавшими съ монахомъ.

Не менѣе самоотверженно работали представители блага духовенства Курловъ и Миловановъ. Они пріѣхали сюда одинъ изъ Москвы, другой изъ Петербурга. И не они одни,—таковъ же о. Георгій (Шавельскій) въ тридцать третьемъ полку. Скромный, но дѣятельный и знающій, онъ забывалъ себя, когда наставлялъ часъ его служенія страдающему брату. Солдаты идутъ въ огонь или повинаясь приказу, или воодушевленный боевыми впечатлѣніями, — иное дѣло этотъ священникъ. Его звало въ густой обстрѣлъ, въ настоящій адъ болѣе высокое чувство, и шелъ онъ туда тихо и просто, какъ проста и тиха была вся его жизнь здѣсь. Тамъ стонали и корчились раненые, — его мѣсто было между ними. Онъ не могъ ждать, пока ихъ принесутъ сюда, — а что, если сотни такихъ сомкнуть глаза, не услышавъ послѣдняго привѣта... «Не помирать! страшно, — говорилъ мнѣ одинъ изъ солдатъ, спасенныхъ о. Георгіемъ, — а то, что тебя какъ собаку бросали въ грязь, и никому до тебя нѣтъ дѣла, а оттуда идетъ сюда врагъ и затопчетъ тебя... Отпол-

зель отъ него въ ковылянь, — онъ и тамъ штыкомъ нащупаетъ. А свои все мимо да мимо. Имъ дѣла мало, у нихъ — команда. Прежде ее сполни, а потомъ ужъ, коли осталось время, можно и о насъ подумать». О. Георгій работалъ въ огнѣ, точно онъ всю жизнь дышалъ этимъ переполненнымъ свинцовыми шмелями воздухомъ, рыжими газами разрывавшихся около шимозъ, и никогда другой музыки не слышалъ, кромѣ свиста пуль да пронзительнаго визга трескавшихся шрапнелей. Тутъ онъ перевязывалъ, поилъ раненыхъ, исповѣдывалъ и приобщалъ ихъ. Страдающаго брата онъ видѣлъ не только въ своемъ, — нѣтъ. Для него такимъ же являлся сраженный противникъ, и къ нему онъ шелъ съ тѣмъ же самоотверженіемъ и готовностью «положить душу за други своя». Разъ ты человекъ, значить, — братъ. Какое ему дѣло, въ какомъ тогъ лагерѣ и подѣ какимъ знаменемъ. Мучится, нуждается въ его доброй волѣ и услугѣ, — и иди къ нему на встрѣчу... Разъ ему говорятъ: «Страсть что тамъ японца набито... Грудами лежать. Мертвыми глазами на солнце таращатся. А оно ихъ жжетъ»...

— Есть и живые...

Отецъ Георгій прислушался.

— Я самъ видѣлъ четверыхъ японцевъ. Шевелятся. Такъ что даже стонуть... Вѣсть подають. А намъ нельзя. Очень ужъ огонь силенъ. Гдѣ сталь, — тамъ и палъ.

Не говоря ни слова, о. Георгій беретъ перевязочный матеріалъ, воду, сумочку съ запасными дарами (вдругъ наши окажутся) и спокойно идетъ туда, откуда бѣжитъ все живое. Въ самомъ дѣлѣ, — «гдѣ сталь, тамъ и палъ». Свинцовый дождь то и дѣло, сухая пыль взрывается по сторонамъ. Пули нжутъ воздухъ, съ дикимъ стономъ носятся глупые куски желѣза, кто-то точно громадною ладонью швыряетъ сверху пол-

ными горстями шрапнель, и съ тихимъ стономъ падаютъ около опроставшіеся стакапы... О. Георгій тихо направился именно туда, гдѣ «мертвыми глазами на солнце таращатся». Добрался,— дѣйствительно, груды лежатъ. И въ нихъ кое-гдѣ «живые» шевелится... Священникъ осмотрѣлъ ихъ, перевязывалъ... Остановилъ мимо бѣжавшихъ солдатъ и самъ съ ними, трудясь, какъ простой санитаръ, понесъ «братьевъ» чужого знамени. Не успокоился, пока не устроилъ несчастныхъ въ госпиталь... Одною изъ нихъ я видѣлъ потомъ. И всякій разъ, вспоминая объ отцѣ Георгіи, онъ срывался, раненый, и съ умиленнымъ мѣдно-желтымъ лицомъ, сверка въ внезапно загорѣвшимися глазами, показывалъ, какъ «руска попа» нашла его, подняла и вывела изъ боевого пекла. И потомъ вдругъ начиналъ лопотать...

— Домой пойду,— у насъ тоже русский попа есть... Такой крестъ самъ надѣну... Вашему Богу молиться!..

Всѣ эти «отцы» (Курловъ, Милановъ, Шавельскій) пришли сюда изъ Москвы или Петербурга, изъ «общества», къ которому они привыкли, гдѣ они были своими. А вотъ еще одно воспоминаніе о «мужицкомъ попѣ», о священникѣ-добровольцѣ, явившемся сюда изъ глухой сибирской деревни, пожалуй, никогда и не переѣзжавшемъ за камень (Ураль), въ далекую и незнакомую ему Россію. Это о. Евверій Макаренко. Я думаю, такихъ мимо васъ, въ странствіяхъ по глухимъ пустырямъ и закоулкамъ, проходитъ много, и никогда они на себѣ вашего взгляда не останавливаютъ. И Курловъ и Милановъ — хоть сейчасъ ихъ обоня въ картину, такими ужъ ихъ сама природа на свѣтъ выпустила. На каседрѣ, на амвопѣ, — прежде чѣмъ ихъ заслушаешься, ими залобуешься. Отецъ Евверій, я думаю, при встрѣчѣ

съ вами сторонкой продвинется, куда ужъ ему быть центромъ, въ обыкновенное время захватить собою обществу, повести его за собою. Онъ жилъ въ одномъ изъ самыхъ забытыхъ и бѣдныхъ селъ Барнаульскаго уѣзда. Приходъ былъ убогій, и Макаренко, вѣрно, приходился, какъ любому его сосѣдскому мужику, такъ же въ потѣ лица обрабатывать свою землю, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ духовныхъ сыновей ни наружностью, ни приемами. Когда началась война, они рѣшили послужить Божьему дѣлу, собрать и отправить въ Манчурію походную церковь. Вся она помѣстилась на одномъ возу и обошлась недорого, потому что до послѣдней мелочи сдѣлана тѣмъ же отцомъ Евверіемъ, который на этомъ возу и самъ пріѣхалъ, правя лохматой сибирской лошадиной, настоящимъ мухортикомъ, несмотря на всю свою непредставительность, одолѣвшею не одну тысячу версть. Когда эту церковь собрали и поставили, — сосѣди изъ «Краснаго Креста» изумились, — до того она была удобна, изящна.

— Кто же это вамъ вырѣзалъ?

— Я и моя семья.

— А рисовалъ?

— Мы же... Что жъ тутъ...

— Да вѣдь это художественная работа... Особенно образа!..

— Извините, какъ сумѣлъ.

Съ этого времени началось боевое подвижничество этого въ полномъ смыслѣ слова человѣка на войнѣ. Онъ былъ неотдѣлимъ отъ своей церковки, и гдѣ видѣли отца Евверія, — тамъ непременно оказывалась и она. Самъ ее соберетъ, сложитъ на тотъ же возъ, запряжетъ того же мухортика и добѣдетъ съ нею, куда нужно. А такъ какъ Макаренко кромѣ передовыхъ позицій другихъ не зналъ, то и самодѣльный храмикъ его позади не оставался. Гдѣ люди падали

подъ предательскими пулями, кровью исходили отъ усталы, умирали сотнями и тысячами, — тамъ же, въ самомъ пеклѣ, какъ часовой на своемъ мѣстѣ, непремѣнно пребывалъ и о. Евверій. Замолкнетъ бой, — онъ начинаетъ свою службу, какъ священникъ, передъ алтаремъ. Начнется, — онъ идетъ въ цѣпь, какъ санитаръ, фельшеръ и иной разъ, какъ докторъ. Должно быть, у себя въ сибирской глуши, желая быть полезнымъ сосѣдямъ, онъ обучился многому, и это многое умѣлъ быстро, кстаги прикладывать къ дѣлу.

Какъ бы при больномъ и раненомъ ни была черна и грязна работа, — онъ самъ, непрощенный и незванный, шелъ на нее и не успокаивался, пока не приводилъ ее къ концу. Устали на него не было. Не доѣсть, не допеть, — а непремѣнно окажется тамъ, гдѣ всего тяжелѣе и невыносимѣе людямъ, и при этомъ все онъ обставлялъ такъ, что его личность была какъ-то незамѣтна. Точно онъ весь до тла расходился въ самомъ дѣлѣ, пропадалъ въ немъ. Имъ поэтому и пользовались все, не стѣсняясь, не соблюдая никакихъ правилъ... Куда онъ, такимъ образомъ, ни попадалъ, вездѣ оказывался крайне необходимымъ, и не только необходимымъ но и незамѣнимымъ. «Нѣтъ, на мѣсто батюшки некого поставить!» — говорили и солдаты. Въ двѣ руки, а за десятокъ работаетъ. Никому за нимъ не угнаться.

Подъ Айсяндзяномъ, Дашичао, Люяномъ его видѣли уже вступавшія въ настоящій бой войска. Кругомъ, бывало, падаютъ и рвутся гранаты, а онъ подъ цыновочнымъ навѣсомъ раскинетъ себѣ походную церковку и съ крестомъ встрѣчаетъ солдатъ. Кончить служить, — сейчасъ же на самую утомительную и непримядную работу, отъ которой другіе чураются. Въ какомъ часу бы ни было, все равно. Только что заснулъ утомленный и измученный, — позовутъ, —

встрепенется и готовъ. Чаще всего его видѣли между ранеными съ уродливымъ пузатымъ барнаульскимъ мѣднымъ чайникомъ въ рукахъ, съ массой галетъ въ карманѣ. Пойтъ, кормить, и никакого ему дѣла до того, что кругомъ смерть вырываетъ цѣлыми рядами людей изъ полковъ и батальоновъ. Отрядъ генерала Самсонова стоялъ тамъ, гдѣ одна только и была вода — соленая. Отецъ Евверій ухитрился возить все время прѣсную изъ-подъ Дашичао. По ночамъ доставляли транспорты съ ранеными, — послѣ цѣлаго дня возни съ такими же, о. Евверій тутъ какъ тутъ. Подоткнетъ рясу, и мостъ полы въ перевязочной.

— Батюшка, идите, отдохните.

— Нельзя... Чистота нужна. Особенно здѣсь. Раны-то открывать будутъ.

— Да вы устали!

— Въ могилѣ выспимся. Долго спать будемъ...

— Да зачѣмъ вы сами это?..

— Все измучились... А я видѣть грязи не могу.

Веселый, разговорчивый, особенно съ солдатами, и тѣ его съ перваго слова понимали.

— Какой ты отецъ? — говорилъ ему одинъ такой. — Ты настоящая мать... Только мать такъ сына жалѣетъ...

— Какъ онъ перебивался самъ, — одинъ онъ вѣдалъ. Крестьяне его прихода ничего ему дать не могли.

Мнѣ рассказывали о немъ:

— Вхали мы съ нимъ на поѣздѣ въ Харбинь... Видимо, усталъ. Заснулъ, и только когда глаза закрылъ, видимъ мы по его лицу, какъ онъ измучился.

На одной станціи поѣздъ останавливается. Видимъ, несутъ умершаго мимо. Оказывается, солдатикъ въ санитарномъ чужомъ вагонѣ скончался. За нимъ жандармъ и маленькая команда съ барабанщикомъ, уныло выбивающимъ что-то. Мы даже не успѣли замѣтить, когда о. Евверій проснулся, — смотримъ, а онъ

ужь въ облаченіи и летить за носилками. Забылъ все—и то, что поѣздъ его ждать не станетъ, и солдатъ чужой.

— Всѣ свои... всѣ... Разъ человѣкъ, значить,—свой... Нѣтъ чужихъ...

Началь отпѣвать. Неизвѣстно, какъ зовутъ усопшаго.

— Имя же его, Господи, Ты вѣси!..

Такъ онъ всѣмъ примелькался, этотъ отецъ Евеерій, что его замѣчать перестали. Точно его нѣтъ. А какъ заболѣлъ онъ дизентеріей,—вдругъ оказалось,—никакъ безъ него обойтись нельзя, всѣмъ онъ нуженъ, у каждаго съ его отсутствіемъ точно руки отянулись. И оправиться еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ,—смотримъ, стоитъ ужь на страдѣ...

— Некогда болѣть... Не такое время, чтобы себѣ поблажку давать...

Однако, и у него оказались «настоящія» свои.

На позиціи пришелъ Барнаульскій полкъ.

Отецъ Евеерій свѣта не взвидѣлъ. Преобразился, вышелъ изъ своего обычнаго спокойствія... У всѣхъ, — знакомыхъ и незнакомыхъ, — ему все равно,—просиль, кланчивь, требоваль и цѣлыми транспортами посылалъ и возилъ *своимъ*, барнаульцамъ.

— Какъ можно, помилуйте, земляки... Это не то, что...

И, не доканчивая, неся уже куда-нибудь за теплыми чулками, фуфайками.

— Имъ все пригодится. Намъ барнаулецъ изъ всего нужное сдѣлаетъ.

Нанятыми санитарями онъ, не высказывая этого, былъ не совѣмъ доволенъ...

Смотрить-смотреть на нихъ, и давай самъ...

— Идите, отдыхайте.

А тѣхъ и просить не надо,—радуются...

И вдругъ исчезъ.

Оказывается, поѣхалъ въ Барнаульскій уѣздъ. Зачѣмъ?—За мужичками!

Я вамъ изъ нихъ такихъ санитаровъ наберу. Настоящихъ, не купленныхъ... У насъ наемныхъ душъ нѣтъ. Всѣ по сердцу пойдутъ... И опять,—какъ во время его болѣзни,—не стало его, и вся машина чуть не остановилась. То же, что было послѣ смерти Курлова. Кажется, никуда не выставлялись, никакой роли не играли. Всѣ думали, что они значенія не имѣютъ,—и вдругъ, оказалось, всѣмъ нужны до зарѣзу! Незамѣтно,—они несли громадный трудъ. Оба были большого природнаго ума и житейскаго такта. И тотъ и другой не заурядъ, а талантливы. Курловъ—пѣвецъ и писатель, Евеерій и пѣвецъ и художникъ, и Богъ его знаетъ, какъ это онъ ухитрился развить въ себѣ, въ глухой Барнаульской деревнѣ...

И чѣмъ дальше отходишь отъ нихъ, тѣмъ ярче и выпуклѣе кажутся эти «человѣчки на войнѣ». Какъ-то вдругъ выступаютъ изъ фона и ужь его заслоняютъ собою. Тамъ былъ съ нимъ и не видѣлъ ихъ, такіе кругомъ павлины красовались, гдѣ же изъ-за ихъ распущенныхъ хвостовъ замѣтить этихъ невидныхъ тружениковъ. А теперь павлиновъ точно смело куда-то, и отъ нихъ вдругъ показались Курловы, Мпловановы, Макаренко, отцы Георгіи, и совершенно точно со стороны, неожиданная, является мысль: а вѣдь ихъ, этихъ «людей», вовсе не такъ ужь мало... Нѣтъ, право, хороша народная нива, на которой рождаются и растутъ такіе незамѣтные герои будничной страды... Вѣрится въ нихъ,—и когда теперь порою слышишь: нѣтъ у насъ людей, нѣтъ талантовъ, нѣтъ характеровъ,—неволью улыбаешься въ отвѣтъ.

— Не тамъ, господа, вы ихъ ищите, гдѣ надо... Въ глубинахъ ждуть,—ударить вѣче, и они покажутся на великую общенародную святую страду и рукъ не сложать, какъ ихъ не складывали тѣ, а до конца доведутъ разъ

начатое. И немало ихъ,—только никому не видны... До поры, до времени.

Духовная помощь русскимъ военнопленнымъ въ Японіи.

Безконечно горько положеніе нашихъ пленныхъ соотечественниковъ на островахъ Японскихъ, особенно въ религиозномъ отношеніи, какъ христіанъ въ странѣ языческой. Ихъ тамъ теперь нѣсколько десятковъ тысячъ. И все они устремляютъ взоръ свой къ единственному тамъ служителю нашей православной Церкви, начальнику нашей духовной миссіи въ Японіи, епископу Николаю, который находится тамъ на службѣ съ 1861 года. Многія тысячи японскихъ душъ за эти 45 лѣтъ просвѣтилъ онъ свѣтомъ вѣры Христовой. Беззавѣтно преданный своему дѣлу, онъ не оставилъ Японіи и въ то время, когда, по случаю войны съ Россіей, все находившіяся тамъ при русскомъ посольствѣ русскіе, должны были оставить ее, выѣхать и удалиться оттуда, а онъ, съ разрѣшенія японскаго правительства, всегда высоко его чтившаго и чтущаго, остался тамъ по усиленной просьбѣ обращенныхъ имъ въ христіанство японцевъ. По его благословенію и подъ его руководствомъ, образовалось тамъ Японское православное товарищество духовнаго утѣшенія военнопленныхъ, чтобы пленнымъ русскимъ въ Японіи доставлять хотя какое-нибудь духовное утѣшеніе, дѣлать возможное для удовлетворенія ихъ духовныхъ потребностей, а также исполнять порученія слѣдующаго рода: доставлять справки о судьбѣ военнопленныхъ на основаніи свѣдѣній, получаемыхъ отъ центральнаго справочнаго бюро о военнопленныхъ, существующаго при японскомъ

военномъ министерствѣ, совершать передачу денегъ, присылаемыхъ къ военнопленнымъ.

Адресъ: Japan. Tokio. Surugadai Russian Ecclesiastical Mission. Японія. Токио. Суругадай. Русская Церковная Миссія.

Для осуществленія этой цѣли, товарищество, подъ руководствомъ епископа Николая извѣстныхъ священниковъ изъ японцевъ, знающихъ русскій языкъ, отправляетъ въ мѣста содержанія военнопленныхъ совершать для нихъ богослуженія и таинства, утѣшать больныхъ и раненыхъ, раздавать имъ духовно-религиозныя книжки миссіискаго изданія и присылаемыя изъ Россіи. Членами товарищества состоятъ все православные японцы, безъ различія пола, все дѣлаютъ ежемѣсячный взносъ. Къ сожалѣнію въ ихъ средѣ пока еще мало зажиточныхъ людей, а большинство ниже средняго класса, такъ что всѣхъ денежныхъ пожертвованій, собранныхъ отъ разныхъ православныхъ общинъ и частныхъ лицъ, съ самаго начала товарищества, съ мая мѣсяца по 1-е декабря прошлаго 1904 года, по объявленію въ послѣднемъ номерѣ «Сейкію Шимпо» (православный органъ) было 238 іень 79 сень. Іень почти равняется рублю, а сень копейкѣ.

Самъ преосвященный Николай, получившій отъ японскаго правительства разрѣшеніе оставаться въ Японіи и во время войны ея съ Россіей, но безъ права выѣзда изъ японской столицы Токио, гдѣ находится наша миссія, лично не можетъ посѣщать русскихъ военнопленныхъ, находящихся въ другихъ городахъ Японіи, но онъ дѣлаетъ все, что можетъ, для духовнаго ихъ утѣшенія.

Въ одномъ изъ недавнихъ № «Церковныхъ Вѣдомостей» было перепечатано изъ «Американскаго Православ-